

Зарубин Павел Алексеевич

**Темные и светлые стороны
русской жизни. Роман П. Зарубина**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Алексеевич З.**
Темные и светлые стороны русской жизни. Роман П. Зарубина: Том 2 / Зарубин Павел Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 551 с.

ISBN 978-5-519-85752-9

ISBN 978-5-519-85752-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ III.

I.

Маленькія семейныя сцены.

Однажды осенью, когда Николай Ивановичъ былъ въ Рыбницкомъ, Пелагея Петровна легла на голбчикъ посумерничать и, не имѣя никакого позыву ко сну, предалась различнымъ думамъ. Размышляя о томъ и другомъ, она пожолала, для чего-то, смѣнать приблизительно, сколько у нихъ имѣется теперь на лицо различнаго капитала. „Вотъ расшивка стоитъ тысячи полторы“, принялась разсуждать въ слухъ Пелагея Петровна, „припасовъ на тысячу,—мѣсто—двѣ съ половиной; барочка съ припасами тоже тысячи-то стоитъ—три съ половиной; деньжонокъ сотъ пять—шесть, вотъ и четыре слишкомъ; якорей, вонъ да мелочей разныхъ, да того да сего..“ и Пелагея Петровна насчитала движимаго капитала тысячъ на пять рублей, т. е., почти вдвое противъ дѣйствительности.

Тутъ она задумала думу крѣпкую, которую, до поры до времени, тайла въ глубинѣ души; но такъ какъ не могла осуществить эту думу безъ посторонней помощи, то и рѣшилась передать ее, подъ глубокимъ, впрочемъ, секретомъ, Матрѣи Семеновнѣ Тальниковой, какъ жепщицѣ весьма пригодной на многія дѣла,

а въ настоящемъ случаѣ почти незамѣнимой. Кстати же Матрена Семеновна водилась тогда у Целагеи Петровны, даже ночевала у нея нѣсколько ночей. Съ ней, т. е. съ Матреной Семеновной случилась тогда маленькая домашняя непріятность. Она поразмолвилась немножко съ своимъ большачкомъ—Иваномъ Минеичемъ, который, въ мигъ крайняго своего озлобленія, собрался было совсѣмъ переломать у Матрены Семеновны всѣ ребра и вымотать изъ нея всѣ кишки; но Матрена Семеновна, какъ видно, на это не согласилась, а рѣшилась лучше, какъ Іосифъ прекрасный, лишиться воскресилія отъ своего платья, за которое цапнулъ было ее Иванъ Минеичъ, нежели пожертвовать ребрами или кишками.

Дѣло заключалось въ томъ, что Иванъ Минеичъ въ это время пилъ запоемъ и постоянно требовалъ у Матрены Семеновны денегъ, на разныя будто бы хозяйственныя потребности. Та, разумѣется, не давала ему ни копѣйки, а только и есть, что ругала его „пьяницей—пропойцемъ“, чего Иванъ Минеичъ терпѣть не могъ, потому что вовсе не считалъ себя пьяницей, а только человѣкомъ выпивающимъ, и то по самымъ резоннымъ причинамъ. Онъ, какъ и всякій знаменитый пьяница, считалъ себя какимъ-то несознаннымъ талантомъ, забытымъ невѣжественною толпою, къ которой конечно причислялъ и Матрену Семеновну. По этому случаю, онъ, какъ будто на зло ей одной, старался таскать изъ своего дома все, что только попадалось ему подъ руку. Попадетъ подъ руку полшубокъ—пропьетъ полшубокъ; попадетъ сковорода—пропьетъ и сковородку. Матрена Семеновна глазъ уже не спускала съ своего супруга: все сторожила за его поведеніемъ. Выйдетъ-ли Иванъ Минеичъ за какой-нибудь надобностью на дворъ, Матрена Семеновна черезъ извѣстныя ей проулки—успѣетъ уже забѣжать впередъ и подсматриваетъ за нимъ изъ-за какого-нибудь потаеннаго уголка; вздохнетъ-ли онъ изъ глубины

души и выразить въ слухъ свое негодованіе на недостатки общественной нравственности, а въ особенности на то, что его, Иванъ Минейча, никто не понимаетъ, никто достойно не оцѣниваетъ—Матрена Семеновна наострить свое ухо и подслушиваетъ, не высказываетъ-ли тотъ какихъ вредныхъ идей, противъ которыхъ нужно принять нѣкоторыя предосторожности.

Однажды Иванъ Минейчъ отправился тихонько на подволоку, съ невинною цѣлю пріобрѣсти тамъ себѣ изъ трубы выюшки и снести ихъ въ кабакъ. Въ это время, какъ на грѣхъ, Матрена Семеновна тоже была на подволокѣ: она развѣшивала по шестамъ бѣлье. Услыхавъ осторожные шаги по лѣстницѣ, которая вела на подволоку, Матрена Семеновна совершенно затихла и присѣла въ темный уголокъ.

Только что Иванъ Минейчъ, взойдя на подволоку, протянулъ было къ трубѣ руку и намѣревался взяться за первую выюшку, какъ Матрена Семеновна мгновенно выскочила изъ своей засады и закричала благимъ матомъ. — Что, разбойникъ! пьяница! али ужъ къ выюшкамъ подбираешься, пропоець!... али выюшки пропить хочешь, анафемская твоя харя?

— Никакъ нѣтъ-съ, сударыня Матрена Семеновна, отвѣтилъ, торопливо, Иванъ Минейчъ, немножко пораженный неожиданностью такой встрѣчи: въ ошибку изволили впасть, сударыня.... Починочки вотъ немножко требуетъ, присовокупилъ онъ, рассматривая трубу, и для отвода подарापалъ въ трубѣ глинку, а до выюшекъ дѣйствительно не дотронулся.

— И! разбойникъ, пьяница! продолжала кричать Матрена Семеновна: такъ бы взялъ, пьяницу, да чѣмъ-нибудь и переѣлъ!...

— Цыцъ! сударыня Матрена Семеновна, перебилъ ее Иванъ Минейчъ; далеко оченно заѣхали, сударыня, не желаете-ли

взрывничка получить?... И Иванъ Минеичъ довольно было проворно хватилъ ее на отмашку булакомъ; но та, однакожъ, успѣла отвернуться.

— Что, ефіопъ, не удалось! произнесла она, ускользнувъ отъ удара.

— За мной, сударыня Матрена Семеновна, извольте считать, выразился Иванъ Минеичъ, заскрежетавъ отъ злости и неудачи зубами: непримину вамъ заплатить, сударыня, этотъ должокъ въ самой скорости.

Съ этими словами Иванъ Минеичъ сошелъ внизъ, а Матрена Семеновна осталась на подвоеѣ.

Съ страшнаго переноя и вмѣстѣ съ тѣмъ со злости на Матрену Семеновну, Иванъ Минеичъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Постоялъ онъ немножко на дворѣ; подумалъ о чемъ-то важномъ, взглянулъ машинально на погребъ и, повидимому, осѣнился какою-то новою и пріятною для него мыслию. Онъ вспомнилъ, что въ погребѣ, въ числѣ прочихъ овощей, есть грузди, на которые, вмѣсто простаго камня для гнета, наложена была полу-пудовая гиря. Къ ней-то Иванъ Минеичъ и пожелалъ на этотъ разъ присвататься. Осмотрѣвшись кругомъ, заглянувъ во все углки, Иванъ Минеичъ осторожно отправился въ погребъ. Между тѣмъ Матрена Семеновна наблюдала надъ нимъ съ подволоки въ слуховое окошко, которое было на дворъ. Только лишь Иванъ Минеичъ направилъ стопы свои къ погребу, Матрена Семеновна съ быстротою молніи сбѣжала внизъ и, прежде нежели успѣлъ тотъ спуститься въ погребъ и отыскать тамъ ощупью грузди, какъ та находилась уже на погребницѣ; въ погребъ, однакоже, сбѣжать она побоялась.

— Что, мѣринъ рыжій! чувашская твоя морда! зачѣмъ еще

сюда пришелъ, а? заорала Матрена Семеновна съ погребницы, заглядывая немножко въ погребъ.

— Ну, сударыня, Матрена Семеновна, отозвался изъ погреба Иванъ Минейчъ: „камо иду отъ гнѣва твоего, и отъ лица твоего камо бѣжу? аще възду наверхъ — ты тамо еси; аще сойду въ глубину—ты тамо еси.“ Куда же, сударыня, мнѣ дѣваться отъ васъ прикажите?

— Въ таръ-тарары провались! вотъ куда! отвѣтила, не задумавшись, Матрена Семеновна.

— Слушаю, сударыня Матрена Семеновна; такъ ужъ повольте съ вами проститься, сударыня... И Иванъ Минейчъ торопливо полѣзъ изъ погреба съ видимымъ намѣреніемъ посчитаться немножко съ своей супругой.

Матрена Семеновна весь этотъ день всячески старалась злить Ивана Минейча, и просто была на отчаянную. Какъ только Ивана Минейчъ, сталъ показываться изъ погреба, та, въ азартѣ, схватила изъ погребницы кринку съ устоемъ и швырнула ея въ своего большачка.

— Святъ! Святъ! Святъ! произнесъ, оторопѣвъ, Иванъ Минейчъ, когда хлынула на него сметана; и съ страшною свирѣпостію, закусивъ бороду, онъ, какъ тигръ, бросился на Матрену Семеновну, успѣлъ даже щипнуть ее за платье; да видно слишкомъ уже сильно рванулъ къ себѣ, потому что оторвалъ у платья весь задъ, а Матрену Семеновну все-таки не удержалъ: та убѣжала отъ него и безъ заду.

— Всѣ кости твои переломая, всѣ кишки вымотаю на руку! прошипѣлъ съ невыразимою злостію и съ зубнымъ скрежетомъ Иванъ Минейчъ, бросившись за Матреной Семеновной въ догонку по двору; но та успѣла убѣжать отъ него за ворота, даже успѣла еще показать ему, на скорую руку въ подворотню кукишъ.

Разсвирѣпѣвшій до нелѣзъ, Иванъ Минеичъ не перенесъ на-
песеннаго ему оскорбленія, и потому изорвалъ на себѣ рубаш-
ку въ мелкіе клочки и раскидалъ по двору, а самъ такъ и
остался одѣтымъ на легкую руку. Въ порывахъ своего бѣшен-
ства, снѣ достаточно поколотился объ ѣтъну головой, потомъ во-
шелъ въ избу, выдвинулъ осередн полу лаханъ, повалилъ въ
нее паскоро всю посуду — чашки, ложки, горшки, тарелки и
проч., нашель пестъ и истолокъ все въ мелкіе куски, пригова-
ривая: — „на вотъ, вѣдьма! на вотъ тебѣ, па!...“

Не ограничившись этой местию, Иванъ Минеичъ снова от-
правился въ погребъ и выпустилъ тамъ изъ бочекъ весь квасъ,
а съ груздями сдѣлалъ такую каверзную штуку, что и сказать
нелѣзъ; цѣлы — то они были — цѣлы, да ужъ нелѣзъ ихъ было
ѣсть — испортилъ совершенно.

Иванъ Минеичъ рѣдко доходилъ до такого неистовства, это
случалось съ нимъ только во время страшнаго перепоя и то тогда,
когда долго не попадалось ему на пропой вещей и когда Мат-
рена Семеновна, дразни его какъ собаку, успѣвала вывертываться
у него изъ подъ самыхъ, кажется, вѣрныхъ оплеухъ! Это раз-
дражало его пуще всего.

Между тѣмъ Матрена Семеновна улинула къ Пелагеѣ Пет-
ровнѣ подъ ея вѣрную защиту и покровительство.

— Ждала-ли гостю-то къ себѣ? закричала еще гдѣ-то Мат-
рена Семеновна, завидѣвъ Пелагею Петровну въ окошкѣ. — Въ
гости къ тебѣ, Пелагеюшка, иду! пестъ-отъ мой вѣдь убилъ было
меня до смерти, Пелагеюшка! продолжала она весело, а сама
такъ и помираетъ со смѣху: — Вѣдь вонъ что, пестъ эдакой, сдѣ-
лалъ!.. И Матрена Семеновна поворотилась къ Пелагеѣ Петров-
нѣ задомъ.

Пелагея Петровна со смѣхомъ и удивленіемъ всплеснула руками.

— Безстыдница ты эдакая! заговорила она, качая головой: — неужто, matka, ты такъ по улицѣ-то и шла?

— А какже мнѣ идти-то? чортъ-ли увидить; а хоть и увидить, такъ дуй ихъ горой! глядите; ха! ха! ха!..

Тутъ Матрена Семеновна рассказала Пелагеѣ Петровнѣ обстоятельно всю домашнюю исторію, поясняя между тѣмъ, что Иванъ Минеичъ сдѣлался еще хуже и озорниковатѣе.

— Ужъ не знаю какъ, дѣвушка, и биться-то съ нимъ съ проклятикомъ, — разсудила Матрена Семеновна, въ заключеніе своего разсказа: — Ононися, ужъ, Петровнушка, хотѣла было уморить его, пса эдакого, мышьякомъ: „пожалуй, молю, все проплетъ, окалнникъ эдакой, ничего молю не останется,“ да ништо дѣвушка, пожалѣла! „попадобится, молю, такъ гдѣ возьмемъ“, а вѣдь когда тоже и надобится, рыжей чортъ, ха! ха! ха!..

— Полно, дура эдакая, что ты это врешь! возразила Пелагея Петровна. — какъ это можно морить человека, въ умѣ ли ты?..

— А что же съ нимъ дѣлать-то, со псомъ-эдакимъ, коли отбился отъ рукъ?

— Какъ, что? ужъ лучше, matka, попросить, иль на него въ судѣ, тамъ ужъ какъ-нибудь да разсудятъ же.

— Полно-тко, Пелагея, завираться-то, — перебила ее Матрена Семеновна съ недовольнымъ видомъ: — на мужевей-ту, matka, развѣ просить когда-нибудь? вѣдь ужъ и пословица-то говорится: „мужъ да жена одна сатана!“ съ какой харей-ту я въ судѣ-отъ приду подумай-ко ты? на мужа что-ли просить?.. да что онъ у меня, воръ что-ли какой? вѣдь ужъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ, не всѣхъ же хуже въ слободѣ-то; не глушѣе другихъ, хоть и попиваетъ-

то; такъ мало-ли въ слободѣ-то пьяницъ-ту есть, матушка?—не перечесть. Гришка, вонъ, Челнокъ, двѣ недѣли ужъ дома-то нагой сидить: все съ себя-то пропилъ; а вѣдь и мой-отъ нечужое пропиваетъ, а свое, что суду-то за дѣло?..

— Да, вѣдь, ты сама же говоришь, что отъ него житья нѣтъ тебѣ, что все пьеть да дерется,—возразила было Пелагея Петровна.

— Да что дерется-то? перебила ее Матрена Семеновна:— что кому за дѣло, что онъ дерется? твой-отъ, покойной, меньше что-ли дрался? теперь только развѣ смиренъ-отъ больно сталъ, какъ въ могилу-ту закрывали, а какъ живой-отъ былъ, такъ вѣдь не лучше, родимая, другихъ: одно золото-то; все они, проклятики, на одну колодку-ту состроены!.. А вѣдь какъ и мой-отъ, умереть, такъ я на могилѣ-то проною не хуже другихъ, — прибавила Матрена Семеновна шутливымъ тономъ: — „Промышленная, молю, твоя головушка! корабельная, молю, твои рученьки! смиренникъ, молю, ты мой батюшка, дорогильной! жили, молю, съ тобой, мой батюшка, точно золото вѣсили!.. ха! ха! ха!..

Тутъ Матрена Семеновна, смѣючись, передразнила, пѣвучимъ тономъ, обыкновенныя бабьи причитанья на могилѣ покойниковъ, чѣмъ окончательно разсмѣшила и Пелагею Петровну.

Такимъ образомъ, Матрена Семеновна водилась у Пелагеи Петровны нѣсколько дней. Впрочемъ она приходила къ ней для одной почевки, а днемъ большею частію находилась дома, потому что Иванъ Миневичъ денные часы больше проводилъ въ кабакѣ.

Тутъ-то Пелагея Петровна и рѣшилась передать Матренѣ Семеновнѣ свою думу крѣпкую. Не потому однакоже, что она считала ее за женщину заслуживающую довѣрія, а потому, что

въ настоящемъ случаѣ безъ Матрены Семеновны обойтись было нельзя. Пелагея Петровна задумала своего сына сочетать законнымъ бракомъ и Матрену Семеновну заблагодарсудила употребить въ свахи. Она хорошо понимала, что для исполненія подобныхъ поручей Матрена Семеновна способнѣй всей родни; потому что отъ свахи требуется только, чтобы она какъ можно больше хвастала и лгала, а этими способностями Матрена Семеновна одарена была съ избыткомъ; на разъ также не отставала отъ другихъ и искусною вычурностью. Притомъ же за того человѣка, который удостоивалъ ее болѣе или менѣе важнымъ порученіемъ, Матрена Семеновна готова была лѣзть въ огонь и въ воду.

И Богъ знаетъ какъ обрадовалась Матрена Семеновна настоящему порученію Пелагеи Петровны.

— И не могли откладывать, Петровнушка; жени непременно! настаивала она съ своей стороны; — а то вѣдь хуже избалуетя.

— Оно хоть избаловаться-то и не избалуетя, возразила на это Пелагея Петровна съ нѣкоторою увѣренностію, — да чего ужъ, матушка, ждать, время пришло и женить, покуда жива да здорова. Да вотъ невѣстинукъ-ту ничто хорошенькихъ-ту нѣтъ; гдѣ ужъ и взять-то не знаю?

— Какъ, матушка, нѣтъ? заговорила съ энергіей Матрена Семеновна: — у Ивана Никитича невѣста, сударыня, у Луки Сидорыча невѣста.... у Лукерьи Ивановны невѣста.... ну, сударыня ты моя... у Терентья Ивановича невѣста... и Матрена Семеновна перебрала всѣхъ слободскихъ невѣстъ; но Пелагея Петровна отозвалась объ нихъ какъ-то неслишкомъ выгодно: „та нехороша, другая не богата...“

— Такъ какова же тебѣ еще бѣса Пелагеюшка! выразилась

съ недовольнымъ видомъ Матрена Семеновна:—на себя-то оглянись; у самой-ту что есть? вѣдь, я думаю, бывшей собаки выманить не чѣмъ... Женихомъ-ту что-ли больно расхвасталась, ужъ про жениха-то лучше, Петровнушка, и не говори—въ трехъ соснахъ заблудилъ ся!.. Да хорошая-то невѣста, Пелагеюшка, еще въ твой-отъ домъ, пожалуй, и не поидеть.

Пелагея Петровна чрезвычайно оскорбилась на Матрену Семеновну, такъ что не рада уже была, что съ ней и связалась.

— Я не за тѣмъ, матка, пригласила тебя, чтобы ругаться съ тобой, выразилась оскорбленнымъ тономъ Пелагея Петровна:—коли не хочешь для меня сдѣлать услугу, такъ и не дѣлай, другую найду; а ругать тебѣ мой домъ не приводится.

— А я развѣ ругаю? — отозвалась невиннѣйшимъ образомъ Матрена Семеновна:—перекрестись, Петровнушка, ондроны ѣдутъ! и въ умѣ-то не было, Пелагеюшка, ругать-то твой-отъ домъ, излучи меня Господи — не было! Видно ужъ, сударыня, услуга-то моя тебѣ не нравится, что другую сваху хочешь взять. Богъ съ тобой, Пелагеюшка!.. И Матрена Семеновна, опечаленная непривѣтливымъ тономъ Пелагеи Петровны, стала было собираться домой; но та, разсудивши хорошенько, что на подобную женщину сердиться нельзя, опять остановила ее и увѣрила, что она все-таки намѣрена послать де къ кому-нибудь свахой.

— Такъ къ кому же, матушка, сходить-то? надумывай что-ли, поскорѣе, —выразилась съ заботливымъ нетерпѣніемъ Матрена Семеновна:—вѣдь вонъ ужъ и вечеръ на дворѣ, тинуть-то, матка, нечего.
